

**СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНАЯ СТРУКТУРА:
ПУТЬ К АДЕКВАТНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА**

**Жилевич Ольга Федоровна, к.ф.н., доцент,
доцент кафедры маркетинга и международного менеджмента,**

Новогран Т.А., студентка 4 курса

Полесский государственный университет

Jilevich Olga, PhD, jilevitch@gmail.com,

Novogran, T.A., student

Polesky State University

Аннотация. Предлагаемое исследование посвящено изучению процесса самоактуализации основной «мыслящей субстанции» текста – автора, описаны прагматические и семантические формы проявления в философско-аллегорическом тексте авторского сознания в его экстраполяции на философско-эстетический и культурологический контекст XX ст.

Ключевые слова: текст, субъектно-объектная структура, авторское сознание, культурологический контекст, самоактуализация.

Текст философско-аллегорического романа – литературный текст, который включает разные типы постижения деятельности, разные типы сознания с целью создания универсальной картины мира, и художественной, и философской одновременно; как текст культуры он стоит на страже ее аксиологических, бытийных, философско-антропологических измерений, а как текст литературы – на страже его жанровой формы, которой угрожает «бесформенная» природа его нарратива – философствование как размышления в свободном стиле.

Исследуя тексты, мы интерпретируем понятия культуры в различных ее формах. Одним из ярких художественных представлений идей культуры и отражений их в языке, в частности, в тексте является аллегория.

Аллегория – это условное изображение абстрактных идей посредством конкретного художественного образа или диалога. Аллегория – одна из самых древних литературных малых форм, которая существовала в одном ряду с присказкой, афоризмом, апологом, анекдотом и т.д. Несмотря на эволюцию на протяжении веков, аллегория остается легко узнаваемой в современных произведениях. В зарубежном литературоведении один из наиболее ранних теоретиков иносказательных форм, Е. Блум, характеризует её как «двуплановый иносказательный прием» [с. 25]. Аллегория, по мнению Ф. Нортроп, это «ряд ассоциаций в повествовательной последовательности, обозначающий другой ряд ассоциаций во временных или вневременных последовательностях; это сложная повествовательная метафора» [6, с. 232].

В XX-начале XXI вв. для решения своих художественно-эстетических идей к аллегории обращались и продолжают обращаться такие авторы, как Дж. Голсуорси, А. Жид, Т. Манн, Л. Пиранделло, Г. Уэллс, Т. Фонтане, А. Франс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, А. де Сент-Экзюпери, М. Горький, Веркор, А. Мердок, В. Голдинг, Г. ГарсиаМаркес, В. Быков, В. Короткевич, П. Зюскинд, М. Турнье, С. Жермен и др.

Несмотря на широкое использование аллегории в качестве художественного приема в разные эпохи развития национальных литератур, до сих пор остаются многочисленными неразработанные вопросы, касающиеся функционирования философско-аллегорического текста в различных аспектах.

Цель настоящего исследования – выявить некоторые особенности субъектно-объектной структуры текста философско-аллегорического романа как средства адекватности восприятия текста.

Субъектно-объектная структура текста конкретизируется в формах авторского сознания и в его различных корреляциях с системой персонажей. Даже высокий уровень константности идейно-философского целенаправления автора (и его разных ипостасей) не исключает перманентных колебаний перспективы в тексте – автор то принимает мысль героя, то дистанцируется от нее, или становится в оппозицию к ней [3, с. 385]. Прием приближения-удаления «автора» и героя своеобразный мировоззренческий принцип, придерживаясь которого, можно увидеть другого не как объект, а как другой субъект.

Анализ субъектно-объектной структуры текста целесообразно осуществлять с привлечением и традиционной повествовательной терминосистемы, разработанной Б. Корманом, М. Виноградовым, М. Бахтиным и др., и современных нарратологических разработок в этой области.

Конечно, традиционно обозначены формы авторской сознания в каждом тексте приобретают дополнительные градации и могут обогащаться за счет выделения новых форм. Для иллюстрации заявленной проблематики мы берем один из самых сложных нарративных дискурсов из текстов философско-аллегорического романа – текст французского романа Ж.-М. Г. Леклезие «Пустыня». С жанровой точки зрения – это роман в романе, то есть роман с двойной (перцептивно: множественной) художественной реальностью, которая по принципу куклы состоит из «многих» текстов, которые пишет «много» авторов. Сюжеты всех текстов основываются на одном и том же событийном материале. Основное различие между двумя ведущими текстами – в разном осмыслении художественного материала.

В текстах Ж.-М. Г. Леклезие можно формализовать следующие уровни авторского сознания: абстрактный автор (недидеетический наратор) – автор, в котором проявляется личностное единство образа и ведущий «объективный» рассказ, но

сам не является объектом своего повествования; автор-рассказчик обрамительной истории (первичный наратор) – в тексте эту функцию выполняет специально назначенный герой; рассказчики вставных историй (вторичные, третичные нараторы) – в этой роли выступают и автор, и его двойники, другие персонажи; авторская позиция, точка зрения повествователя, которая определяется относительно повествовательной инстанции эпической дистанцией, то есть зависит от того, издалека ли, или «вблизи» рассматривает автор изображаемую им действительность.

Субъектно-объектная структура текста из-за усложненности форм авторского сознания и модусов их существования полемически обострена. Естественно, следует иметь в виду и такое герменевтическое уточнение, что истолкование субъектно-объектного единства как безусловной предпосылки познания, кардинальное для гносеологии противопоставление субъекта и объекта, в художественном творчестве уже переосмысливается как субъектно-объектное. Еще Гете акцентировал эту особенность. «Тот, кто познает, – считал он, – не противостоит познаваемому как чистый субъект объекта, а содержится в нем, то есть является соестественной частью познаваемого. Субъект и объект сделаны из одного куска. Познающий, как микрокосм, содержит в себе самом все, что он познает в природе...» [Цит. по: 2, с.278]. Субъектно-субъектные отношения текста «складываются», получают то или иное художественное выражение в зависимости от того, как, «какой автор» будет реализовать собственное сознание, чаще всего это осуществляется через актуализацию самосознания героев. Самая интересная коллизия в тексте складывается вокруг взаимоотношений между автором текста и автором-рассказчиком, которые разворачиваются по логической связи субординации.

Позиция автора по отношению к изображенному им миру, считает М.Бахтин, определяется через различные компоненты текста, в частности, «из-за того, как изображена внешность, дает ли он целостный трансгredientный образ ее..., насколько полно, искренне и эмоционально напряженная развязка и завершение, насколько спокойно и пластическое действие, насколько живы души героев, или только слабые потуги духа своими силами обратить себя в душу» [2, с. 152]. То есть исследователь предлагает самые разные, неисчерпаемые, по сути, формы проявления авторского сознания в тексте. Мнение автора иногда отчетливо проводится через так называемые форсированные развязки некоторых сюжетных линий.

Проявление авторского сознания может «получить свое выражение в доминанте характера, в одной его определяющей черте» [1, с. 150]. Характер или акцентация в нем той или иной доминанты в тексте романа всегда является маркером авторской позиции, иногда даже ключом к определению авторской концепции. В тексте на персонажей возлагаются большие обязанности, с которыми связывается прояснение той или иной существенно значимой проблемы. Если перед нами положительный герой – то это герой, у которого «есть будущее», это идеал времени. Если отрицательный – то обобщенный автором до символа низости, такой герой уже утратили или постепенно теряет личностные черты.

Разнообразие форм авторского сознания в тексте более отчетливо проступает, определяется как на нарративно-стилевом уровне. Превалирование универсально-оценочного отношения абстрактного автора к создаваемой им художественной реальности проявляется прежде всего в «авторитетном» характере стиля, который получает свое отражение через понимание того, что ясность произведения прежде

всего зависит от того, «насколько автор поднялся над своими героями» [1, с. 150]. А «поднявшись над своими героями», он заставляет и их держать «высоту», они наделяются способностью к философствованию. Причем традиционная форма выражения авторской власти от третьего лица – «он подумал» часто освобождает место для «я подумал» в результате слияния авторской речи с речью героя.

Таким образом, проблема автора в тексте чрезвычайно сложна, попытка четкой классификации всегда подвергается обязательной понятийной перекрестности, перепончивости, выделенных по тем или иным основаниям модификаций авторского сознания в тексте. Они взаимонакладываются друг на друга, взаимопроникают друг в друга, взаимопочиняют друг друга. Поскольку все они представлены одним творцом – реальным автором, то, наверное, все вместе и обобщают «логику авторского мышления» о себе и его философских проекции.

Список использованных источников

1. Бахтин, М.М. Проблема автора / М.М. Бахтин // Вопросы философии. – 2017. – № 7. – С. 148–160.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 2006. – 444 с.
3. Жилевич, О.Ф. Проблема аллегории в современном литературоведении / О.Ф. Жилевич // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : материалы IV Международной научно-практической конференции, Минск, 19-20 марта 2020 г. / Белорусский государственный университет, Факультет социокультурных коммуникаций; ред. коллегия: О.Г. Прохоренко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 385–389.
4. Bloom, E. A. The allegorical principle / E. A. Bloom // English Literary History, 18(3):163–190, Sept., 1951. – P. 25–39.
5. Le Clézio, J.-M. G. Désert / J.-M. G. Le Clézio. – Paris : Gallimard, 2008. – 445 p.
6. Northrop, F. Anatomy of Criticism: Four Essays / F. Northrop // В. Косиков Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. – Москва: Издательство Московского университета, 1987. – С. 232–263.